

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ КОМПАРАТИВИСТАМ

В предшествующих главах мы обсудили самые дискуссионные вопросы исторической компаративистики: существует ли сравнительный метод, каковы полезные функции сравнения в истории и как выбрать объекты для сравнения. Но остается еще немало важных методологических проблем, о которых начинающему компаративисту стоит знать, приступая к исследованию. Ниже я постараюсь суммировать имеющиеся в литературе по этому поводу рекомендации, прибавив к ним некоторые собственные наблюдения.

Совет первый: *с самого начала необходимо четко обозначить цель исследования и сформулировать проблему (вопрос), которая может быть решена или прояснена с помощью сравнения.* Это может показаться самоочевидным, но нередко бывает так, что отсутствие ясной цели делает сравнение неэффективным. Приведу конкретный пример.

Недавно Ю. Г. Акимов опубликовал сравнительный очерк трех колонизаций: русскими — Сибири, а англичанами и французами — Северной Америки в конце XVI — середине XVIII в. [186]. Обычно сильной стороной параллельных сравнений является богатство источникового материала, знание контекста, выявление специфики каждого изучаемого «кейса». Но книга Ю. Г. Акимова основана практически полностью на имеющейся (правда, весьма обширной) научной литературе, сомнительно поэтому, что сибиреведы или американисты найдут в ней для себя что-то новое. Создается впечатление, что ученый и не стремился внести собственный вклад в разработку тех аспектов проблемы, которые он затрагивает в тексте (темпы и масштабы колонизации,

численность колонистов, система управления колониями, отношения европейцев с аборигенами и т. д.). Целью своей работы Ю. Г. Акимов называет «сравнительно-историческое исследование <...> колонизационных процессов» в Северной Азии и Северной Америке в указанный период, что, по убеждению автора, должно помочь «“вписать” великую сибирскую эпопею <...> во всемирно-исторический контекст и обеспечить ей там достойное место» [там же, с. 4]. Не менее амбициозно звучат и другие задачи, поставленные перед собой историком: «...внести вклад в решение фундаментального вопроса о сущности, месте и роли колонизации в истории всего мирового сообщества», а также «способствовать преодолению европоцентристского, а лучше сказать западноцентристского, подхода к истории Нового времени» [там же, с. 5].

Но дело, однако, в том, что сравнение не может быть самоцелью исследования: оно должно быть средством, «рабочим инструментом» (по выражению М. Блока [32, с. 65]) для решения поставленных историком задач. Если же задачи формулируются абстрактно и даже претенциозно (как в работе Акимова), то полезные функции сравнения просто не могут проявиться. По сути, упомянутая книга не содержит оригинального исследования; это — подборка заимствованных из литературы примеров, распределенных автором по рубрикам. А итоговые выводы Ю. Г. Акимова — в частности, о чертах сходства между Сибирью и французскими колониями в Северной Америке [186, с. 354–357] — не обладают самостоятельной научной ценностью: они ничего не объясняют и сами нуждаются в объяснении (едва ли можно считать объяснением указание автора на то, что и Сибирь, и французские колонии «были владениями феодальных, самодержавно-абсолютистских монархий» [там же, с. 356]); кроме того, остается неясным, какие общие черты выдают глубинное сходство процессов, а какие — являются лишь поверхностными аналогиями. Выявленные сходства и отличия для историка — это не «конечный пункт» сравнительного исследования, а его отправная точка.

Разумеется, не решает Ю. Г. Акимов и другой своей задачи — определить место освоения Сибири во всемирной истории колонизаций: для подобной типологии потребовался бы совершенно другой масштаб работы и включение в исследование не только

сибирского и североамериканского материала, но и латиноамериканских, африканских, азиатских «кейсов».

О том, что каждое сравнение требует постановки конкретных исследовательских вопросов, недавно напомнил начинающим компаративистам немецкий историк Штефан Бергер (в момент написания цитируемой статьи — профессор Манчестерского университета): «Если мы не подойдем к материалу, имея в виду определенные вопросы, — предупреждал он, — мы столкнемся с проблемой избытка информации (очевидно, эта проблема тем серьезнее, чем больше масштаб сравнения) и с риском того, что вместо сравнения мы просто будем рассказывать параллельные истории» [37, с. 194].

С подменой сравнения как исследовательской операции простым выстраиванием ряда сходных «кейсов» мы часто сталкиваемся также на научных конференциях и в сборниках статей, где, по выражению Нэнси Грин, «объединяющий сравнительный взгляд» добавляется комментаторами или редакторами во введении к тому; но все равно, по словам исследовательницы, «специалисты проявляют тенденцию к монологу, а не диалогу» [42, с. 48].

Таким образом, только будучи встроено в исследование, являясь его органической частью, сравнение может служить действительно полезным инструментом научного анализа.

Еще одно важное условие успешной сравнительной операции удачно сформулировали Х.-Г. Хаупт и Ю. Кокка: «Невозможно сравнивать явления в их многослойной целостности. Скорее, мы выбираем аспекты. Сравнение требует выбора, абстракции, отделения случая от его контекста» [46, с. 25]. Иными словами, *сравнивать можно только в каком-то отношении* [49, с. 14]. Отсюда следует, что такие сложные системы, как общества или государства в целом, не могут служить объектами сравнения. Встречающиеся иногда в публицистике параллели между странами — например, между постсоветской Россией и Веймарской Германией — могут рассматриваться как метафоры, но серьезного научного значения не имеют.

Тем не менее отсутствие разработанной методики исторического сравнения приводит порой к попыткам сопоставления целых обществ и государств, принадлежащих к разным эпохам.

Так, С. М. Каштанов в серии докладов и статей, опубликованных в 1990-х гг., проводил параллели между Русью XIV–XVI вв. и Франкским государством VII–IX вв. (т. е. времени Меровингов и Каролингов) [196], между Иваном III и Карлом Мартеллом [197]. Сходство между этими обществами, разделенными хронологическим промежутком в 600–800 лет, ученый усматривал в развитии монастырского землевладения и иммунитета, становлении бенефициарной или поместной системы, закреплении крестьян, уровне материальной и духовной культуры. «Сложившееся к концу XV–XVI в. Русское государство, — утверждал исследователь, — имело в целом ту же социальную базу, что и империя Карла Великого» [196, с. 91]. Однако этот смелый вывод носит скорее «импрессионистический» характер и не основан на систематическом сравнении упомянутых государств. Явной натяжкой выглядит параллель между русским крестьянством XV–XVI вв. и французскими сервами. Не было в державе Карла Великого столь крупных городов, как Москва, Новгород или Псков XVI в. с их десятками тысяч жителей. Я уже не говорю о радикальных отличиях в военной и политической сферах: использовании артиллерии, учреждении стрелецкого войска, складывании системы центральных ведомств (приказов), созыве при Иване IV первых земских соборов...

Сам ученый, чувствуя, видимо, некоторые неувязки в своих построениях, замечает: «Парадокс заключается в том, что Русское государство XV–XVI вв., будучи по типу социальных отношений близким к Каролингской империи, имело другую, чем эта монархия, историческую перспективу: не распад, а укрепление и переход к абсолютизму» [там же]. Но этот «парадокс» стал следствием, во-первых, произвольного выбора эпохи, с которой сравнивается Московская Русь, а во-вторых, попытки сравнить сразу все стороны жизни изучаемых обществ: от урожайности и форм землевладения до государственного устройства и книжной культуры. Между тем тот тип стадийного, диахронического сравнения, к которому прибегает С. М. Каштанов, предполагает, что сравниваются социумы, находящиеся на одинаковой стадии *одного и того же процесса*. О каком же процессе идет речь? Я считаю, что применительно к России второй половины XV–XVI в. следует

говорить о процессе зарождения государства Нового времени: действительно, такие его черты, как делегирование судебной и административной власти монарха его советникам и уполномоченным должностным лицам, бюрократизация аппарата управления, возникновение сословно-представительных учреждений парламентского типа, характерные для королевств Западной и Центральной Европы XIII–XV вв., были присущи и Московскому царству XVI столетия (см. подробнее: [201]).

Естественно, речь должна вестись не только об общих чертах описываемого процесса, но и о его специфике в том или ином регионе. Но пока интересующая нас проблема не выделена, пока исследователь придерживается холистского подхода к истории (в случае С. М. Каштанова этот подход явно навеян марксистской схемой общественно-экономических формаций), изучение местных особенностей некоего общеевропейского процесса оказывается невозможным: сравнительный метод просто не работает.

Пользу проводимых С. М. Каштановым неожиданных и даже рискованных параллелей между Иваном III и Карлом Мартеллом, Иваном IV и Карлом Великим я вижу в «остраняющем» эффекте такого сравнения, подчеркивающего архаичность социальных отношений в Московской Руси. Однако в ряде других аспектов Россия конца XV–XVI в. обнаруживает сходство с европейскими государствами эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. К вопросу о том, в какой мере наша страна была «современна» другим государствам на разных этапах своей истории, мы вернемся в заключительной главе этой книги.

Итак, еще один совет, который можно дать начинающим компаративистам, заключается в том, что *сравнение, для того чтобы быть успешным, должно быть ограниченным, сфокусированным на каком-то одном процессе, явлении, институте*. Напомню также (об этом уже шла речь в предыдущей главе), что избранная ученым центральная проблема (ход некоего процесса, эволюция того или иного института и т. д.) должна стать связующим звеном, «третьим элементом» (*tertium comparationis*), задающим линию сравнения, которую образуют отдельные сопоставляемые «кейсы», относящиеся (в логическом плане) к той же самой категории.

Приведенные выше рекомендации относятся, главным образом, к построению («дизайну») компаративного исследования и отражают стремление сделать процедуру сравнения максимально осознанной и контролируемой. (Не случайно Э. Дюркгейм в свое время назвал сравнительный метод «косвенно экспериментальным»: [101, с. 511]). Но после того как, допустим, цель исследования поставлена, определена требующая изучения проблема, выбраны иллюстрирующие ее «кейсы» и тщательно продумана логика сравнения, историк-компаративист неизбежно сталкивается с рядом практических трудностей. Оставляя в стороне сложности преодоления языковых барьеров или доступа к иностранным архивам, рассмотрим подробнее часто обсуждаемую проблему опоры ученого в процессе сравнительного исследования на оригинальные источники и его возможной зависимости от существующей научной литературы.

Этот вопрос давно привлек к себе внимание компаративистов. В 1923 г. Н. А. Рожков, размышляя о приемах сравнительного изучения истории, писал: «Достаточно, если человек, предпринимающий сравнительно-историческое построение, является специалистом по истории одной страны, а в истории других осведомлен о важнейших явлениях исторической литературы» [212, т. 6, с. 5]. Тем не менее ученый считал важным ознакомление исследователя, работающего над сравнительным трудом, с основными доступными ему источниками по истории разных стран, поскольку это необходимо для критического отношения к чужим выводам. По признанию Рожкова, знакомство со многими (но, конечно, не со всеми!) источниками по истории Востока, Античности, Средневековья и Нового времени служило ему самому средством для решения спорных вопросов [там же].

В наши дни Х.-Г. Хаупт и Ю. Кокка полагают, что свойственный сравнительной истории отрыв от источников и контекста, а также зависимость от вторичной литературы, растущая по мере увеличения числа сравниваемых «кейсов», вступают в противоречие с «базовыми принципами исторической профессии». Поэтому историки-компаративисты, по наблюдениям немецких ученых, стремятся (в отличие от специалистов в социальных науках) к ограничению объектов сравнения до двух-трех [46, с. 25, 26; 49, с. 13, 15].

Джордж Фредриксон также советовал коллегам, — если они хотят, чтобы их работа была принята с уважением и оказалась полезна ученым во всех тематических областях, которые они сравнивают, — довольствоваться двумя «кейсами», не более [27, с. 11].

Однако, как было показано в предыдущих главах этой книги, выбор объектов сравнения и их количество определяется замыслом исследования: некоторые задачи просто не могут быть решены на двух-трех «кейсах». Удачные примеры компаративных исследований с использованием многих единиц сравнения можно найти в классических работах А. Гершенкрона, а в современной историографии — в монографиях П. Болдуина. Поэтому советы Хаупта/Кокки и Дж. Фредриксона не стоит воспринимать как догму. Более того, сама проблема выбора между первоисточниками и информацией, почерпнутой «из вторых рук», т. е. из монографий и статей по определенной тематике, не зависит от количества сравниваемых объектов: она может быть актуальна, даже если в поле зрения исследователя находятся всего два таких «кейса».

Примечательно, что Дж. Фредриксон, ссылаясь на свой опыт изучения расовых отношений в двух странах, США и Южной Африке, высказал мнение о том, что «хорошая сравнительная история» вовсе не обязательно предполагает продолжительные архивные поиски или работу с первоисточниками по каждому случаю. «Если тема обширна, а научная литература велика и высокого качества, — заявил американский историк, — то нет оснований не опираться в основном на нее» [27, с. 11]. Он также одобрительно цитировал ученого старшего поколения, Фрица Редлиха, утверждавшего, что основными источниками для компаративной историографии являются монографии предшествующих историков, а в архивы следует идти для заполнения лакун в наших знаниях и чтобы убедиться в том, видели ли авторы монографий те аспекты проблемы, которые нас интересуют. Редлих афористично выразил кредо компаративиста: «в то время как традиционная монографическая историография начинается в архивах, сравнительная завершается там» [цит. по: там же].

Вместе с тем Дж. Фредриксон признавал, что некоторые виды сравнительной истории могут и должны основываться на источ-

никах, хотя и не обязательно архивных: это относится, в частности, к интеллектуальной истории, примером которой может служить книга самого Фредриксона об идеологиях негритянских освободительных движений в США и Южной Африке [169], написанная, главным образом, на основе оригинальных текстов, в которых отразился протестный дискурс. По мнению американского исследователя, история идей и идеологий, в отличие от истории институтов, не требует больших «раскопок» и может изучаться в сравнительном ключе без опоры на монографическую литературу. Кроме того, первоисточники могут быть положены в основу сравнительной социальной истории на локальном уровне: если сравниваются, например, два города или две организации, то вполне реальным представляется проведение в каждом случае серьезных архивных разысканий [27, с. 12].

Заслуживает также внимания совет Фредриксона устанавливать прямые контакты с историками, специализирующимися на изучении страны, которая для компаративиста служит объектом сравнения с его собственной страной: это помогает быть в курсе новых тенденций в соответствующей историографии [там же].

Безусловно, приведенные выше соображения не являются универсальными рецептами, пригодными в любой ситуации, в которой может оказаться историк-компаративист. Разработка методик сравнительно-исторического исследования началась относительно недавно, и пока лишь небольшая часть практического опыта обрела форму если не правил, то хотя бы полезных рекомендаций. Третья, заключительная, часть книги призвана показать тематическое разнообразие современной исторической компаративистики и подкрепить конкретными примерами некоторые общие принципы сравнительного анализа, сформулированные в этом методологическом разделе.